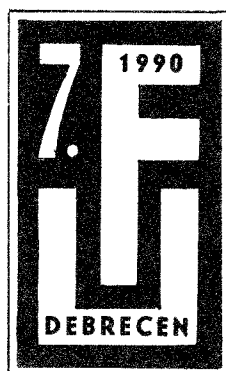

CONGRESSUS SEPTIMUS
INTERNATIONALIS
FENNO-UGRISTARUM
6

SESSIONES SECTIONUM

DEBRECEN, 1990

CONGRESSUS SEPTIMUS INTERNATIONALIS
FENNO-UGRISTARUM

DEBRECEN 27. VIII.–2. IX. 1990.

SESSIONES SECTIONUM

DISSERTATIONES

HISTORICA, ARCHAEOLOGICA ET ANTHROPOLOGICA

REDIGUNT

JÁNOS BARTA
LÁSZLÓ KERESZTES
ANTAL KISS
SÁNDOR MATICSÁK
ISTVÁN OROSZ

DEBRECEN, 1990

Preface

This volume contains the lectures of the history, archeology and anthropology (D/1-D/3) sections of the 7th International Finno-Ugric Congress (CIFU-7). The authors either gave the ready-for-print lectures to the editors during the meeting or sent it over to them before the deadline, ie. 1st October, 1990.

The publication was made of the authors' copies with multiplication and the editors made some technical corrections only. They did not undertake the publication of the late-arrived pieces, those are not convenient for multiplication because of technical reasons and those manuscripts that did not follow the previously given patterns.

The lectures more or less follow the thematic order of the programbook. The Roman- and Cyrillic-letter catalogue of the authors can be found at the end of the volume.

Debrecen, October 5. 1990.

the editors

Предисловие

Настоящий том содержит доклады секций по истории, археологии и антропологии (D/1-D/3) VII Международного Конгресса Финно-угроведов (CIFU-7), которые были отданы авторами на заседаниях в готовом к печати виде или присланы в редакцию до назначенного срока, 1 октября 1990 года.

Издание было составлено копированием с авторских экземпляров, редакторы совершили лишь некоторые технические коррективы. У них не было возможности издать полученные поздно или к размножению технически не подходящие, не по образцу напечатанные рукописи.

Доклады следуют в основном по тематическому порядку программы конгресса. В конце тома я алфавитный по латинице и кириллице указатель авторов.

Дебрецен, 5 октября 1990 года

редакторы

D/I.

REGESZET

ARKEOLOGIA

ARCHEOLOGY

ARCHAEOLOGIE

АРХЕОЛОГИЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКОЙ И ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУР В КАМСКО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Л. Д. МАКАРОВ

Ижевск (SU)

Проблемы взаимоотношений славян и финно-угров давно привлекали внимание исследователей средневековой истории севера Европейской части России. Достаточно вспомнить имена таких крупных историков, как В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, Д.К. Зеленин, А.Н. Пасонов. Значительный вклад в разработку этих вопросов внесли археологи А.С. Уваров, Ф.Д. Нефедов, А.А. Спицын, Д.Н. Эдинг, П.П. Ерименко, А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков, Я.В. Станкевич, Е.И. Горюнова. В настоящее время проблемы славяно-финских контактов рассматриваются в работах В.В. Седова, А.Н. Кирпичникова, Л.А. Голубевой, Е.А. Рябиной, А.Е. Леонтьева, Э.А. Савельевой, В.А. Оборина, Г.А. Архипова, В.А. Могильников и некоторых других. Однако, несмотря на обширную историографию вопроса, различные стороны взаимодействия славян и финнов все же остаются не выясненными, что во многом объясняется состоянием источников.

Начало контактов славян и финно-угров в Приуралье приходится еще на X-XI вв., о чем свидетельствуют находки славянских изделий на аборигенных поселениях и могильниках. Обычно они трактуются как результат торговых взаимоотношений. Походы новгородцев на Югру свидетельствуют о данническом характере контактов с местными народами. Камско-Вятское междуречье, если верить чрезвычайно скудным сведениям, также входило в зону сбора дани киевскими князьями. Об этом, в частности, говорит сообщение М.В. Ломоносова о походе князя Святослава "на Оку, Волгу и Вятку" под 964 г.¹, а также упоминание народа Вяда, который "бортничашу на князя Великого Володимера"². Практически не исследованным является сюжет о взаимоотношениях славян и финно-угров в составе населения Волжской Болгарии, хотя определенный вклад в положительное решение этого вопроса позволяют сделать работы

Т.А.Хлобиковой³.

Представляется бесспорным, что истоки заселения Камско-Вятского междуречья связаны с новгородскими и ростово-суздальскими землями, где проживали потомки словен, кривичей и вятичей, вошедших в тесный контакт с местными финскими племенами. При этом степень участия финского компонента в сложении славяно-русского населения Волго-Окского междуречья была весьма значительна. По мнению Т.И.Алексеевой, главным составляющим здесь явились ослабленные финно-угры, а собственно славянский элемент был очень невелик⁴. А.Е.Леонтьеву и Е.А.Рябинину, проанализировавшим курганные древности славян и мери, удалось проследить процесс интеграции этносов и последующей ассимиляции финнов и доказать, что, несмотря на "окончательное исчезновение мерянской этносоциальной общности... в начале XI в.", традиционная мерянская культура, как компонент, глубоко проникла и долго сохранялась в массиве русской⁵. Таким образом, можно говорить не о славянских, а, скорее, о славяно-финских истоках колонизации региона. Кроме того, в глубинных районах Заолжья и даже в Нижнем Прикамье оказываются и поволжские финны, бежавшие от христианизации. Об этом сообщает Казанский летописец⁶, свидетельствуют средневековые погребения Котловского и Ананьинского могильников⁷.

Заселение бассейна р.Вятки началось в конце XII-начале XIII века в обстановке острого соперничества, с одной стороны, новгородцев и ростовцев, с другой - Руси и Волжской Болгарии. Эта конфронтация завершилась в пользу ростовцев. Вместе с имевшей место стихийной крестьянской колонизацией велось и целенаправленное государственное освоение территории, сопровождавшееся строительством городов и крепостей. Последнее зачастую вызывало вооруженные конфликты, отголоски которых нашли отражение как в русских источниках, так и в удмуртских преданиях. И те, и другие нередко коррелируются с конкретными археологическими памятниками (Никкульчино, Котельнич, Вятка, Орлов, Подчуршино). Однако, эти факты следует признать явлением, присущим лишь раннему этапу русской колонизации. Впоследствии контактирование этносов приобрело мирный характер, чему в достаточной мере способствовало наличие в составе пришельцев финского компонента.

Изолированность региона, особенно усилившаяся после нашествия Батия, способствовала консолидации различных групп русского и финно-угорского населения в рамках возникшей в это время независимой Вятской земли. Процесс формирования государственности нашел отражение в известном по "Повести о стране Вятской" договоре двух относительно самостоятельных волостей – Никули – цына и Котельнича – об объединении и строительстве общей столицы – Хлынова (Вятки).

Совместное проживание на одной территории способствовало восприятию удмуртами русской культуры. В свою очередь, русские заимствовали некоторые элементы культуры удмуртов. В ходе происходящего смешения русская культура безусловно доминировала. Представление о том, насколько активными были межэтнические контакты на Вятке, дают различные источники. Археологические данные позволяют проследить этапы постепенного вовлечения древних удмуртов в процессы феодализации, сопровождавшиеся усвоением славяно-русской материальной и духовной культуры⁸. Отрывочные, но чрезвычайно важные сведения дают письменные источники. Так, период конфликтов и взаимного недоверия во взаимоотношениях пришлого и местного населения отражен в "Повести о стране Вятской"; распространение смешанных браков упомянуто в посланиях митрополитов Ионы и Геронтия второй половины XV в.; наличие язычества и христианства у вятских удмуртов известно по книге голландца Н. Витсона (1687 г.). Весьма информативны антропологические данные, полученные М. П. Грязновым: анализ черепов с вятских кладбищ XVI–XVIII вв. выявил абсолютное преобладание индивидов брахикранных серий, обычных и у удмуртов этого времени. Кроме того, есть лингвистические (вятские фамилии, говор, топонимика), этнографические (языческие суеверия, элементы костюма, архитектуры, народной медицины, быта) и фольклорные источники. Часть из них требует ретроспективного подхода и должна использоваться достаточно осторожно.

Для рассматриваемого периода вообще была характерна этнокультурная и религиозная терпимость, подпитываемая демократическими институтами Вятской республики. Поэтому вполне закономерно предположение об участии удмуртской знати в управлении Вяткой. В этой связи вряд ли случайно среди вятских топонимов

Подмосковья, куда была выведена после взятия Хлынова в 1489 г. вятская верхушка, известно поселение Вотяково⁹. Во всяком случае, участие представителей финских народностей в управлении городами зафиксировано в Новгородской земле¹⁰.

Особое место занимают взаимоотношения Вятской земли с Арским княжеством — полиэтническим образованием в низовьях Камы и Вятки, управлявшимся туркизированной верхушкой южных удмуртов. Арская земля фигурирует в арабских источниках IX—XII вв. в качестве территории, выплачивающей дань Волжской Болгарии¹¹. В результате нашествия Батия, по сведениям Юлиана и Тьеполо, Вятка и Арск оказались в зависимости от Золотой Орды¹². Между регионами устанавливаются достаточно тесные связи, приведшие позднее к сложению союзнических отношений. Примером этого может служить успешно отраженный с помощью вятчан в 1379 г. набег ушкунников на Арскую землю. Юридический статус взаимоотношений двух территорий выяснить чрезвычайно сложно. Косвенные данные содержит карта А.Дженкинсона 1562 г., прстооригиналом которой была первая русская карта Московии 1497 г.¹³ На этом чертеже указаны границы страны Вятчан, охватывающие все течение р.Вятки, а, значит, и территорию Арской земли. Поэтому не исключено, что последняя была связана с Вятской республикой на правах вассала. Источник протооригинала карты зафиксировал ситуацию до окончательного сложения территории Казанского ханства (границы его на карте не указаны), то есть приблизительно середины XV в. За период до 60-х годов Арская земля была окончательно превращена в вассала Казани, что позволило хану Ибрагиму в 1468 и 1478 гг. беспрепятственно совершить на Вятку разорительные набеги.

Как известно, арские князья обнаруживаются в 1489 г. на Средней Вятке. О времени появления их здесь мы можем говорить лишь предположительно. Часть арских князей, очевидно, не могла смириться с подчинением ханству и поэтому обратилась к руководству Вятской земли с просьбой о покровительстве. В ответ им предоставили земельные пожалования в районе между нижним течением Чепцы и Вяткой. Здесь расселились и зависимые от князей южные (арские) удмурты и бесермяне (чуваша), а центром владений стало Марино. После "вывода" вятской верхушки в Подмос —

ковье арские князья были возвращены на правах служилых людей с целью использования их на военной и дипломатической службе во взаимоотношениях с Казанью. Свои, постоянно увеличивающиеся за счет земель по р.Чепце, владения они обязались заселять с территории, подвластной Казани¹⁴. Таким образом, удмуртское население Вятской земли, как местное, так и пришлое, оказалось в полной зависимости от каринских татар. Злоупотребления последних вынуждали удмуртов и босермян уходить в глухие отдаленные места, и уже к середине XVI в. ими осваиваются верховья Вятки и Чепцы¹⁵. Лишь в 1583-1588 гг. правительство освобождает их от власти князей и вместе с ними переводит в разряд черносошных крестьян¹⁶.

Удмуртское население, оставшееся на Средней Вятке, под воздействием русской культуры постепенно теряло этнические традиции. И если в XV-XVI вв. удмурты еще проживали на территории от Котельнич до Хлынова, то в более поздних источниках они упоминаются лишь на Верхней Вятке и Чепце. Включение Вятской земли в состав Московского государства, а затем и деятельность монастырей осложнили русско-удмуртские взаимоотношения, что нашло отражение в документах XVI-XVII вв. Попытка правительства в XVIII в. насильственно насадить христианство в среде нерусских народностей Поволжья и Приуралья вызвала массовое недовольство последних и в какой-то мере притормозила поступательное развитие межэтнических контактов.

1. Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Избр. произв. В 2 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 96.
2. Бегунов Ю.К. Памятник русской письменности XIII в. "Слово о погибели Русской земли". М.; Л., 1965. С. 184-185.
3. Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII-XV вв. в Горномариинском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 85-92; Она же. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. С. 198-201, 232.
4. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука, 1973. С. 23, 49-51, 199.
5. Леонтьев А.Е., Рябинин В.А. Этапы и формы ассимиляции ле -

- тописной меры (постановка вопроса) // СА. 1980. № 2. С. 67-79.
6. Казанская история. М.; Л., 1954. С. 48.
 7. Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. М., 1899. Т. III. С. 44. Табл. I2; Он же. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. // Там же. С. 55-57.
 8. Макаров Л. Д. К вопросу о финно-угорском компоненте в археологических материалах древнерусских поселений на Средней Вятке // Материалы УИ МКФУ. М.: Наука, 1989. Т. I. С. 67-69.
 9. Луппов П. Н. Документы по истории Удмуртии XV-XVI вв. Ижевск, 1958. С. 33.
 10. Кирпичников А. Н. Некоторые проблемы изучения славяно-финских межэтнических и культурных связей в эпоху средневековья // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 98-100.
 11. Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX-XVI вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 5-10.
 12. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III. С. 85-86; Он же. "Рассуждения о Московии Франциско Тьеполо" // Там же. С. 328-334.
 13. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV-начала XVI века. М.: Наука, 1974. С. 52-54.
 14. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI-первой половине XVII века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 24-28.
 15. Луппов П. Н. Документы по истории Удмуртии... С. 33.
 16. Гришкина М. В. Служилое землевладение... С. 29-30.